

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 141.45 (091)

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-55-64

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ В РОССИИ: Т.Н. ГРАНОВСКИЙ И П.Н. КУДРЯВЦЕВ

Архангельская Н.О.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В результате анализа сделан вывод. П.Н. Кудрявцев рассматривал еретические движения и протестантизм, как протест против злоупотреблений пап, социальные основы отдельных движений им не подчёркивались. Т.Н. Грановский, напротив, считал, что за различиями религиозными стояли различия социальные, уделял большое внимание борьбе течений внутри Реформации. Религиозную форму, по его мнению, могли принимать движения национально-освободительные (гуситы) и антифеодальные.

Ключевые слова: история религиоведения, Реформация, Т.Н. Грановский, П.Н. Кудрявцев.

FROM THE HISTORY OF THE STUDY OF RELIGION IN RUSSIA: T.N. GRANOVSKIY AND P.N. KUDRYAVTSEV

N. Arkhangelskaja

*Moscow State Regional University
10A Radio street, Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The paper deals with the analysis of medieval religious movements by T. Granovsky and P. Kudravtsev. P. Kudravtsev considered heretic movements and Protestantism as a result of negative reaction to overindulgence of the Pope. T. Granovsky, on the contrary, argued that religious movements are socially determined and paid great attention to the struggle of different movements within the Reformation. According to him both national liberation movements (Hussites) and anti-feudal ones could take a religious form.

Key words: the history of the study of religion, the Reformation, T. Granovskiy, P. Kudryavtsev.

© Архангельская Н.О., 2016.

В середине XIX в. европейская мысль заново ставит многие вопросы социальной философии. Идея развития общества, а несколько позднее и материалистический подход к истории заставили вернуться к ним, в том числе рассмотреть социальные основы религиозных движений. Просветительская трактовка религии, объявлявшая причинами её возникновения и существования невежество и обман, перестала удовлетворять общество. В числе русских исследователей, занимавшихся этой проблемой был выдающийся историк Т.Н. Грановский. К сожалению, на эту сторону его творчества до сих пор обращалось недостаточно внимания, хотя это – одно из лучших достижений русской исторической мысли XIX в. Поэтому в статье ставится задача: рассмотреть интерпретацию Грановским сущности религиозных движений, главным образом, Реформации, а также сопоставить его взгляды и взгляды его современников на этот вопрос.

В России вопрос о социальных причинах религиозных движений был особенно важен в силу некоторых обстоятельств. Во-первых, в середине XIX в. сохранялись расхождения между православной церковью и старообрядцами, на Кавказе существовало движение под флагом ислама, вел пропаганду протестантизм. Во-вторых, главной социальной проблемой в стране было существование крепостного права, и прогрессивные общественные силы, выступая против него, должны были определить своих потенциальных союзников, что заставляло их обращать внимание на тех, кто использовал религиозную форму выражения своих взглядов. В-третьих, самораз-

витие общественной мысли требовало нового понимания истории, поскольку она всегда была областью, к которой все идейные течения обращались для обоснования своих идеологий.

Новые идеи философии истории заставляли искать глубинные причины развития общества, среди них в первую очередь внимание обращалось на изменение сознания людей. Из русских историков это особенно было характерно для Т.Н. Грановского (1813–1855), изучавшего во время командировки в Германию не только историю, но и немецкую классическую философию. Поиск закономерностей развития общества привел его к ряду важных выводов, среди них было и более глубокое, чем у большинства его современников, понимание социальной сущности религиозных движений средневековья.

Дружеские отношения Т.Н. Грановского, А.И. Герцена и Н.П. Огарёва способствовали тому, что они размышляли над одними и теми же проблемами и в молодости придерживались сходных взглядов. Общим был интерес Герцена и Грановского к первоначальному христианству, и Герцен с удовольствием пересказывал ряд положений публичных лекций Грановского (декабрь 1843 г.), в частности, следующее: «...рабы, городские жители, труждающиеся и обременённые, принимали христианство, и оно быстро распространялось» [2]. На первый взгляд, здесь только отмечается факт, о котором было известно задолго до Грановского: христианство первоначально распространялось среди низших слоев общества. Но дело в том, что в первоначальном христианстве и в средневековых религиозных движениях Грановский подчеркивал их

социальное содержание. Причём наиболее полно это было сделано именно в лекциях середины 40-х гг.

Отличительной чертой философии Т.Н. Грановского было стремление за религиозной формой движений увидеть в них выражение интересов различных социальных слоев. Внимание его привлекали, главным образом, движение гуситов в Чехии и Крестьянская война в Германии. В гуситском движении Грановский увидел борьбу за национальную независимость: «учение Гуса соединялось с национальным вопросом», «вопрос религиозный для них был <...> и вопросом политическим, национальным» [1, с. 126].

Историю Реформации Т.Н. Грановский рассматривал в лекционном курсе 1849–1850 гг. Здесь он подчеркнул, что интересы всех сословий выражались в новом религиозном учении, при этом «каждое сословие попыталось взять это движение и обратить в свою пользу» [3, с. 96]. Последнее положение не просто декларируется, Грановский показывает соответствие взглядов Лютера экономическим интересам дворянства. Т. е. определяется социальный слой, интересы которого отразились в реформационном учении: «...в тех землях, где утверждалась Реформация, власть князей сильно усиливалась. Во-первых, князь становился уже главою областного духовенства <...> Во-вторых, князья отобрали значительную часть имения у духовенства католического или капитулов. <...> Одним словом, выгоды светской власти от Реформации были очевидны» [3, с. 101]. Устраивало светские власти и то, что «Лютер проповедовал начало безусловной покорности воле императора; он говорил, что церковь и учение

можно защищать только оружием духовным: “будем молиться, будем ждать, что Господь смягчит сердце императора и откроет свет ему”» [3, с. 107; с. 383]. Другой социальной группой, поддержавшей Реформацию, были зажиточные горожане. «В самой Германии Реформация распространялась преимущественно в имперских городах, где богатое, просвещенное среднее сословие недовольно было начальниками-туземцами» [3, с. 100, 383]. Таким образом, показана социальная основа лютеровского направления в Реформации: оно отвечало интересам феодалов и зажиточных горожан.

Иначе обстоит дело, когда Грановский обращается к народной реформации. Её историк объявил порождением фанатизма и не старался найти отражение интересов народных масс в религиозной форме. Справедливое положение о том, что, обращаясь к Реформации, все сословия отстаивали свои социальные интересы, оказалось проведенным недостаточно последовательно в этом лекционном курсе. Но последнее относится лишь к лекциям 1849–1850 гг., поскольку за несколько лет до этого, особенно в лекциях 1843 г., Грановский гораздо точнее рассматривал социальную основу народного крыла Реформации, затем характеристика народной реформации стала не просто более скупой, она была явно упрощена. Причиной подобных изменений могло стать давление на историка со стороны попечителя Московского учебного округа С.Г. Строганова и Митрополита Московского Филарета [5, с. 325–326, 328] или изменение политической позиции Грановского в конце 1840-х гг.

В лекционном курсе 1843 г., открыто выражая сочувствие крестьянству, чьё тяжелое положение не улучшалось, по его мнению, на протяжении веков, Грановский подчеркивает, что именно социальные причины приводили к крестьянским восстаниям, в т. ч. и к войне нач. XVI в. в Германии. Историк обратил внимание на требования крестьян. «Вот что требовали они: уничтожение всех феодальных повинностей, введение Реформации, права избирать священника из своей среды, чтобы он учил их Слову Божию <...> Они требовали секуляризации церковных имений <...> Наконец, они требовали <...> христианской братской общины, основанной на учении Христа, который страдал за крестьян, как и за высшее сословие. <...> это самая полная попытка Реформации, которая была до Французской революции» [3, с. 385]. В этом же курсе говорится о Мюнцере: «Он соединял с религиозными мечтами средневековых сект план самого полного общественного преобразования» [3, с. 385]. При этом Грановский не осуждает Мюнцера, но считает его план фантастическим.

Таким образом, согласно этому курсу, в Реформации участвовали три группы, стремившиеся, используя различные варианты реформационной идеологии, добиться реализации своих интересов. В его анализе нашли отражение новые подходы к философии истории, требовавшие раскрытия сущности исторических событий. Заслугой Грановского была именно трактовка религиозных движений как способа выражения экономических и политических интересов различных групп общества. Оказывается, что религия не просто используется правя-

щими классами в своих целях, о чём в России говорили ещё некоторые декабристы. Религиозные учения вырабатываются и идеологами крестьянства и получают широкое распространение, поскольку в религиозной форме выражаются важнейшие его требования. Сопоставление Реформации и Французской революции свидетельствует о том, что Грановский видел общность между крестьянскими требованиями и преобразованиями, осуществленными в ходе Великой французской буржуазной революции, прошедшей под лозунгами политическими.

И в лекциях начала 1850-х гг. Грановский подчеркивал различие интересов богатых горожан и крестьян, а также общность интересов первых с интересами рыцарства, а последних – с интересами городской бедноты. «Большие же города смотрели недоверчиво и с некоторым презрением на крестьян, с каким смотрел на них средневековый рыцарь. Горожане боялись дикого разгула демократических страстей и не хотели помогать крестьянам, зато города, где гражданство не было богато и сильно, подали крестьянам руку помощи» [3, с. 385]. Иными словами, выделяются два течения внутри Реформации, каждое из которых апеллировало к религии, но у каждого из них были свои стремления.

В глубоком понимании сущности религиозных движений отразилась важнейшая черта мировоззрения Грановского – поиск закономерностей исторического процесса. Ряд современных исследователей подчеркивает, что для Грановского всеобщая история представляла собой не перечисление важнейших событий, а «закономерный, диалектически развивающийся

процесс, обусловленный духовным, материальным факторами и традициями государственной жизни народов» [6, с. 47; с. 342, 345].

Это становится очевидным при сравнении взглядов Грановского с позициями других историков. Интересное сравнение с немецким историком Ранке сделано А.С. Асиновской, которая подчеркивает, что, в отличие от Ранке, рассматривавшего Реформацию как движение пророков, Грановский видел её социальную сущность [1, с. 129]. Русским историком дана картина взаимодействия двух направлений в Реформации, подчеркнуты различия между ними, большое внимание уделено позиции Лютера в ходе Крестьянской войны, когда он, поддержав князей, призвал к расправе с крестьянами. По мнению Грановского, Лютером двигал страх перед народным движением [3, с. 386].

Следует сравнить подход Грановского к объяснению сущности Реформации со взглядами В. Циммермана, книгу которого «История крестьянской войны в Германии» Грановский изучал. Циммерман писал, что во взглядах людей накануне и в период Крестьянской войны сочетались идеи политические и религиозные, ставшие доминирующими. При этом он подчеркивал, что именно религиозная идея объединила крестьян. «Ни одно из местных восстаний не сделалось общим до тех пор, пока религиозный вопрос не затронул всего общества. Евангелие стало знаменем, под которым угнетенный народ соединился<...> для общей цели» [9, с. 131]. Идеология восставших крестьян отличалась от взглядов бюргеров и дворян не столько по религиозной форме, сколько по

своей социальной сущности. «Нельзя сказать, чтобы простой народ не понял учения Лютера; нет, но он верно понял учение других проповедников, не согласных с Лютером и шедших дальше его; они выразительно и ясно предлагали новое евангелие религиозной и гражданской свободы всем, стремившимся к спасению и освобождению, и доказывали несовместимость крепостного состояния с учением Христа» [9, с. 132]. Из этих фрагментов видно, что Циммерман отметил ряд особенностей сознания средневекового общества. Во-первых, в этот период социальные интересы выражались в религиозной форме. Во-вторых, различные варианты религиозных учений появлялись потому, что общество было неоднородным и интересы различных социальных групп не совпадали. В-третьих, мечты крестьян и ремесленников о лучшем обществе были выражены Т. Мюнцером, о котором Циммерман писал: «Он полагал, что государство должно быть одушевлено духом христианства. <...> следовало обратить законы Царства Божия в государственные постановления и равенство людей перед Богом в равенство их на земле» [9, с. 140].

Таким образом, положения выдвигавшиеся Грановским, рядом важнейших черт совпадали или были близки идеям Циммермана. Говорить о простом заимствовании, наш взгляд, будет упрощением. Во-первых, потому, что подобный анализ дается Грановским не только в отношении событий немецкой истории нач. XVI в., но и других. Во-вторых, воспользоваться выводами немецкого историка Грановский мог только в случае согласия с ними. А сходство взглядов было, в

свою очередь, обусловлено близостью социально-политической позиции. Оба историка стремились к прогрессивному изменению общества, сочувственно говорили о тяжелом положении народных масс и желали его улучшения. В-третьих, развитие европейской и русской исторической науки приводило к сходным результатам тех исследователей, которые стремились вскрыть причины исторических событий. Это стремление совпадало с общим развитием социальной мысли, ставившим вопросы о сущностной связи событий прошлого и настоящего, о законах общественного развития.

Для того чтобы выяснить значение нового подхода к пониманию сущности религиозных движений для развития религиоведческой мысли в России, достаточно сравнить эти положения с идеями С.М. Соловьева. Соловьев объяснял появление раскола застоем в жизни России XVII в., преобладанием деревенской жизни над городами, слабым развитием мануфактур и торговли и давал такое объяснение: «При отсутствии просвещения, дающего возможность различать существенное от несущественного, перемена во внешнем, <...> кажется изменением существенного, изменением религии, мысль, что перемена есть исправление, не допускается...» [8, с. 194]. Следует отметить, что Соловьев сравнивает распространение эсхатологических настроений в России XVII в. с борьбой протестантов против папства, но и это сравнение не побудило его обратить внимание на связь религиозных идей (старообрядчества, протестантизма) с интересами определенных социальных групп. На игнорирование историком социальных причин Соловецкого вос-

стания обращает внимание Ю.А. Тихонов в комментариях к тому [8, с. 615]. В итоге раскол трактуется Соловьевым как движение, направленное против преобразований и науки [8, с. 195]. Таким образом, становится очевидным, что Грановский в лекциях 1840-х гг. гораздо глубже раскрывает социальную основу религиозных движений, чем Соловьев в томах своей «Истории России с древнейших времён», вышедшей в 1861–1862 гг.

Преемником Грановского на кафедре был П.Н. Кудрявцев (1816–1858). Для Кудрявцева характерен взгляд на ереси и Реформацию, как на выражение недовольства различных слоев европейского общества политикой папства, особенно продажей индульгенций. «Своими крайностями иерархия возбудила очень рано неудовольствие <...> но то были попытки неудачные, преждевременные, которые скоро пали пред превозмогающей силой. Виклефет, альбигойцы, гуситы. Но есть вечные идеи, которые не умирают от поражений» [7, с. 68]. Подобная трактовка была упрощением по сравнению с идеями Грановского. Кудрявцев просто ссылается на некое «время» и некую «потребность», не указывая, в чём же конкретно они заключались. В его курсе можно найти описание множества событий, но объяснение их более поверхностно, чем у Грановского. К числу их относится и объяснение Реформации.

В 1848–1849 гг. Кудрявцев прочитал курс лекций, посвященных истории гуманизма и Реформации. Хотя он отмечал, что «...все недовольные сословия должны были стараться обратить в свою пользу реформационное движение. Таково было свойство религиозной

реформы, что она по самому существу своему должна была проникнуть все классы...» [7, с. 141]. Тем не менее, в отличие от Грановского, Кудрявцев не стремился вскрыть социальные корни различных течений внутри Реформации. Подобный взгляд не был исключением, скорее наоборот, он близок к позиции немецкого историка Шлоссера, также считавшего причиной возникновения ересей «отвращение к искаженному католицизмом христианству» [10, с. 235] и уделявшего мало внимания даже важнейшим мировоззренческим чертам еретических учений.

В лютеранстве, по мнению Кудрявцева, главным было отрицание возможности прощения грехов за деньги. Не случайно этой проблеме посвящен целый раздел курса, тогда как другие стороны лютеровского учения (отрицание свободы воли, спасение верой) излагаются очень кратко. Т. е. движение представляется как почти исключительно антипапское [7, с. 126]. Более того, у Кудрявцева встречаются суждения, которые можно истолковать как признание зависимости взглядов человека от его внутренних качеств, а не от эпохи. О Лютере он говорит: «То, <> что в других возбуждалось вследствие увлекающих потребностей времени, то в Лютере было необходимым свойством его духа, его природы. Если бы он родился и прежде, <...> он вынес бы из своей собственной жизни те же самые убеждения...» [7, с. 78].

Социальные корни Реформации, её связь с интересами различных социальных групп немецкого общества (феодалами, бюргерами, крестьянами) остались невыявленными. Подчёркивается лишь, что «жители городов с жадностью стекались слушать его

проповедь» [7, с. 128]. Но остаётся неясным, чем же так привлекла их проповедь Лютера.

Различие позиций Грановского и Кудрявцева становится особенно заметным, когда встаёт вопрос о народном течении в Реформации. Грановский при несогласии со взглядами народных вожаков всегда сочувственно говорил о положении народа. Отношение к народу Кудрявцева сложнее. Да, он сочувствует тяжёлому положению немецких крестьян, но одновременно и боится народных выступлений. Проникновение Реформации в массы народа вызывает его беспокойство: «Чем она опускалась ниже, тем становилась опаснее: в низших классах всегда было гораздо больше неудовольствия, а между тем они меньше были приготовлены к тому, чтобы принять реформу во всей чистоте её; да и самые нужды их были такого рода, что не могли они, восставая против иерархии церковной, не восстать и против иерархии светской» [7, с. 141].

Вероятно, неприятие народных движениях привели к тому, что Кудрявцев не рассматривал социальные корни народной Реформации и её особенности. Выступление народных низов во главе с Т. Мюнцером Кудрявцев рассматривал как проявление фанатизма и не видел в нём ничего, кроме разрушения. Критическим было и отношение к реформатору Карлштадту из-за его призыва к действиям, обращенного к народу [7, с. 138]. Этим объясняется и сочувствие к призыву Лютера к расправе с восставшими [7, с. 144–148]. Симпатию историка вызывает то, что: «Восставши против иерархии, никогда Лютер не восставал против светских властей: он привык смотреть на них с уважением...» [7, с. 130].

Реформация рассматривалась Кудрявцевым и с этнической точки зрения. «Два главных народных элемента мы находим в Европе: романский и германский <...> Католицизм был скорее создание романского духа, наложенное и на германские народы. Учение реформационное, в котором религиозный элемент отделился от церковного, был плодом германской мысли...» [7, с. 135]. Это положение, подчёркивая значение протестантизма для немецкой культуры, в то же время мешает историку увидеть общность лютеранства с предыдущими ересями. Сводя вопрос только к политике папства, Кудрявцев обеднял содержание еретических и реформационных движений и оказался не в состоянии увидеть их социальное содержание и специфику его выражения в религиозной форме. Неоднократно подчёркивая общность взглядов Гуса и Лютера на вопрос об отношении к индульгенциям, историк не обращал внимания на специфические стороны этих движений, их связь с определенными национальными и социальными интересами. Таким образом, в этих лекциях нет анализа социальных корней религиозных движений, а дается, скорее, их описание.

Можно сделать вывод, что русская историческая наука поставила вопрос о социальных основах религиозных движений в тот же самый период, что и европейская (немецкая), и в этом несомненная её заслуга. Выводы, к которым пришли русские историки, определялись их общественной позицией, отношением к народным массам, а также пониманием особенностей развития общества. Грановский, мечтавший превратить историю из описания событий в науку не менее строгую, чем естествознание, стремился открыть закономерности исторического процесса, позволило представить многообразие действовавших социальных слоев феодального общества, каждый из которых находил свою трактовку религиозных положений, дал анализ течений внутри Реформации. Эти идеи позднее развивались прогрессивной русской общественной мыслью и позволили перейти к научному пониманию социальной сущности религиозных движений. Кудрявцев делает шаг назад в анализе событий и даёт более упрощённую их трактовку, от которой русская религиозно-историческая мысль отказывается еще в XIX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асиновская А.С. Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т.Н. Грановский). М.: 1955. 166 с.
2. Герцен А.И. Публичные чтения г-на Грановского. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_1843_chtenia_granovskogo.shtml (дата обращения 20.09.2016).
3. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986.
4. Гутнова Е.В., Асиновская С.А. Грановский как историк. // Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 336–362.
5. Дмитриев С.С. Грановский и русская общественность. // Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 317–335.
6. Золотарев В.П. Т.Н. Грановский и Н.И. Кареев: о преемственности теоретико-методологических подходов в русской историографии XIX века // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории. М., 2006. С. 43–58.

7. Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное. М.: Наука, 1991. с. 51–50.
8. Соловьев С.М. История России с древнейших времён // Соловьев С.М. Сочинения в 18 книгах. Кн. 6. М., 1991. 671 с.
9. Циммерман В. История крестьянской войны в Германии. в 2-х тт. Т.1. М. 1937. 387 с.
10. Шлоссер Ф. Всемирная история. В 8 тт. Т. 7. СПб. 1863. 449 с.

REFERENCES:

1. Asinovskaya A.S. Iz istorii peredovykh idei v russkoi medievistike (T.N. Granovskii) [From the History of Progressive Ideas in the Russian Medieval Studies (T.N. Granovsky)]. М., 1955. 166 p.
2. Gertsen A.I. Publichnye chteniya g-na Granovskogo. [Mr. Granovsky's Public Readings] Izbrannye proizvedeniya v 2-kh tt [Selected works in 2 vols]. Vol.1. pp. 201–213 .
3. Granovskii T.N. Lektsii po istorii srednevekov'ya [Lectures on the History of the Middle Ages] М., Nauka, 1986. pp. 5–316 .
4. Gutnova E.V., Asinovskaya S.A. Granovskii kak istorik. [Granovsky as a Historian.] Granovskii T.N. Lektsii po istorii srednevekov'ya [Granovsky T.N. Lectures on the history of the Middle Ages]. М., 1986. pp. 336–362.
5. Dmitriev S.S. Granovskii i russkaya obshchestvennost'. [Granovsky and the Russian society.] Granovskii T.N. Lektsii po istorii srednevekov'ya [Granovsky T.N. Lectures on the History of the Middle Ages]. М., 1986. pp. 317–335.
6. Zolotarev V.P. T.N. Granovskii i N.I. Kareev: o preemstvennosti teoretiko-metodologicheskikh podkhodov v russkoi istoriografii XIX veka [T.N. Granovsky and N.I. Karev: on the Continuity of the Theoretical and Methodological Approaches in Russian Historiography of the 19th century] Timofei Nikolaevich Granovskii: ideya vseobshchei istorii [Timofey Nikolayevich Granovsky: the Idea of the Universal History]. М., 2006. pp. 43–58.
7. Kudryavtsev P.N. Lektsii. Sochineniya. Izbrannoe [Lectures. Works. Favorites]. М., Nauka, 1991. pp. 51–50 .
8. Solov'ev S.M. Sochineniya v 18 knigakh. Kn. 6 [Works in 18 books. Book 6]. М., 1991. 671 p.
9. Tsimmerman V. Istoriya krest'yanskoi voiny v Germanii. T. 1 [The History of the Peasant War in Germany. Vol. 1]. М., 1937. 387 p.
10. Shlosser F. Vsemirnaya istoriya. T. 7 [The History of the World. Vol. 7]. SPb., 1863. 449 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архангельская Наталья Олеговна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: Narhan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalja Arkhangelskaja – Ph.D. in Philosophy, Senior Lecturer at the Department of Philosophy at Moscow State Regional University;
e-mail: Narhan@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Архангельская Н.О. Из истории религиоведения в России: Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 4. С. 55-64.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-55-64

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Arkhangelskaja From the History of the Study of Religion in Russia: T.N. Granovskiy and P.N. Kudryavtsev // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. № 4. P. 55-64.

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-4-55-64